

DOI: 10.25178/nit.2017.3.4

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ И МЕНТАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

ETHNIC CONSCIOUSNESS: THEORETICAL CONSTRUCT AND MENTAL PHENOMENON

Елена А. Ерохина

Институт философии и права Сибирского
отделения Российской академии наук;
Новосибирский государственный
университет экономики и управления
Россия

Elena A. Erokhina

Institute of Philosophy and Law, Siberian
Branch, Russian Academy of Sciences;
Novosibirsk State University of Economics
and Management, Russia

В статье представлен анализ этнических концепций, сложившихся в российской науке в XX и XXI вв. во взаимосвязи с зарубежными доктринами национализма. Исследования по данной проблеме важны для понимания роли ментальных феноменов в процессах этнической мобилизации, значения этнического самосознания и этнической идентичности в формировании позитивных межэтнических отношений. В настоящее время понятия этническая ментальность, этническое самосознание и этническая идентичность нередко используются терминологически не-точно, чаще всего как синонимы активности человеческого сознания в процессе воспроизводства этничности.

О значении самосознания как этнического определителя в советской науке высказывания появились в 1940-х гг. (П. И. Кушнер), тема была продолжена в 1960-х гг. (С. А. Токарев, Ю. В. Бромлей). Однако, в целом, в исследованиях по теории этноса реализовывался формационный принцип, когда этнические общности делились на стадии развития (племя,

The article presents an analysis of concepts of ethnicity as they were developed in Russian science in the 20th and 21st centuries, in their interconnection with foreign doctrines of nationalism. Studies on this issue are important for understanding the role of mental phenomena in the processes of ethnic mobilization, the importance of ethnic consciousness and ethnic identity for building positive inter-ethnic relations. At

the moment, the conceptions of ethnic mentality, ethnic consciousness and ethnic identity are often used terminologically inaccurately, most often as synonyms of human awareness of the process of reproduction of the ethnicity.

Soviet scholars first mentioned the importance of consciousness as ethnic determinant back in 1940s (P. Kushner) and then in 1960s (S. Tokarev, Yu. Bromley). But the main body of studies in ethnicity

Ерохина Елена Анатольевна — доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права отдела социальных и правовых исследований Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: leroh@mail.ru

Erokhina Elena Anatolievna, Doctor of Philosophy, senior researcher, Department of Social and Law studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Philosophy and Humanities, Novosibirsk State University of Economy and Management. Postal address: 8 Nikolayeva St., Novosibirsk, Russian Federation 630090. Tel: +7 (383) 330-22-40. E-mail: leroh@mail.ru

народности, нации). До 1970-х гг. самосознание не было включено в число этнообразующих признаков. Но присутствовало противостояние сторонников творческой и консервативной интерпретаций марксизма. В 1970-х гг. работами Ю. В. Бромлея этническое самосознание без различия стадийного уровня признавалось объектом этно-графического изучения, автономного по отношению к идеологическим доктринам. Советская теория этноса была близка западным концепциям этничности (Ф. Барт). В 1990-х гг. в российской этнологии распространилась теория этнической процессуальности (В. А. Тишков).

Этническое и национальное самосознание автор трактует как феномены коллективного (надиндивидуального) сознания, а этническую идентичность — как индивидуально-личностный феномен. Делается вывод о соотношении этнического самосознания и этнической ментальности как части и целого, вмещающего в качестве своих категорий не только «Другого», но также пространство, время, вещный мир, социальную организацию и другие значимые универсалии культуры.

Ключевые слова: этническое самосознание; идентичность; концепция этничности; ментальность; нация; национализм; стереотип; архетип; этнический менталитет

theory usually relied on the formational principle which categorized ethnic communities by stages of their development (tribes, nationalities, nations). Until 1970s, self-consciousness was not put on the list of ethno-forming features. However, there was a confrontation between supporters of a creative and a conservative interpretation of Marxism. In the 1970s, Yu. Bromley recognized ethnicity (without classification into stages) as an object of ethnographic research, independent from ideological doctrines. Soviet theory of ethnos was close to Western concepts of ethnicity (F. Bart). In the 1990s, Russian ethnology saw the rise of the theory of ethnic processuality (V.A. Tishkov).

In this article, the author treats ethnic and national self-consciousness as a phenomenon of collective (supra-individual) consciousness, and ethnic identity, as a personality-based phenomenon. The author concludes that ethnic self-consciousness is an element within ethnic mentality, which also includes other categories, such as 'the Other', Space, Time, Material World, Social Organization and other significant universals of culture.

Keywords: ethnic consciousness; identity; concept of ethnicity; mentality; nation; nationalism; stereotype; archetype; ethnic mentality

Введение

Этническое самосознание считается основным признаком определения этнической принадлежности людей в процедурах переписей населения. Данное обстоятельство обусловлено более чем столетним развитием статистического учета населения, который диктовался потребностями жизни, определялся важностью национального вопроса во многих странах мира.

Среди проблем, которые рассматривались российской наукой в связи с изучением этнического самосознания, можно выделить следующие: определение понятия, места этнического самосознания среди других признаков этноса, компонентов его структуры и основных функций.

Данный концепт нечасто встречается в современных исследованиях этничности, а если и встречается, то только лишь как синоним этнической идентич-

ности. Насколько оправдано такое отождествление? Как этническое самосознание влияет на менталитет народа? Есть ли отличие между этническим и национальным самосознанием?

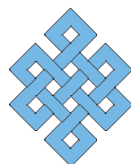
Важно подчеркнуть, что эти вопросы оказывались в центре научных дискуссий неоднократно. Определенный вклад в их разработку внесен и автором настоящей статьи (Ерохина, 1999, 2005, 2009). Тем не менее, определенная цикличность в их обсуждении указывает на влияние ряда факторов, в том числе политического свойства, способствующих активизации интереса к данной теме. Данная статья продолжает исследование роли человеческого сознания в конструировании этничности как повседневного, необязательно нагруженного идеологическими коннотациями, феномена.

Этническое и национальное самосознание

Термин «этнос» в качестве научного понятия был введен впервые российским этнографом С. М. Широкогоровым в одной из его работ, опубликованной в 1923 г.: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» (Широкогоров, 2010: 16). По мнению автора, данное понятие необходимо для того, чтобы отличать сообщества, объединенные вокруг государств, от сообществ, объединенных на основе единства культуры, и осознающих это единство как основание для отличия от других подобных групп. Работы Широкогорова не были широко известны в СССР, так как в силу ряда обстоятельств он был вынужден эмигрировать в Китай в 1922 г.

О значении самосознания как этнического определителя впервые уже в советской науке заговорил в конце 1940-х гг. П. И. Кушнер в работе «Национальное самосознание как этнический определитель». Отметим, что в названии работы появился однокоренной научный термин. Немаловажно и то, что автор показал историческую эволюцию форм этнического самоопределения — от племенного до национального (Кушнер, 1949). Теоретическая разработка данного понятия была продолжена в 1960-х гг. С. А. Токаревым и Ю. В. Бромлеем (Токарев, 1964; Бромлей, 1971).

Определение нации, данное И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос» на основе заимствований из работ К. Каутского и О. Бауэра, включало четыре существенных признака: общность экономической жизни, территории, языка и психического склада. По аналогии с нациями исследователи фиксировали данные признаки у племен и народностей. Понятие «племя» характеризовало доклассовую этническую общность, находящуюся на первобытной стадии общественного развития. Понятие «народность» фиксировало

наличие классового общества внутри этнического коллектива. Понятие «нация» обозначало высшую форму развития этнической общности, находящейся на капиталистической (или социалистической) стадии общественного развития. Тем самым в исследованиях по теории этноса реализовывался формационный принцип (см.: Ерохина, 2012: 257).

Самосознание до 1970-х гг. не было включено в число этнообразующих признаков, хотя большинство исследователей, включая самого Бромлея, как автора теории этноса, не было с этим согласно. В известном смысле можно говорить о противостоянии сторонников творческой и консервативной интерпретаций марксизма, приверженцев альтернативных подходов к сознанию как к самостоятельной детерминанте общественного развития и как к зависимому от производительных сил субъективному феномену. Во всяком случае, именно в таких терминах разворачивалась дискуссия на страницах журнала «Вопросы истории» в 1966–1967 гг. Включать или не включать самосознание в число основных признаков этноса? Тогда ответ был отрицательным.

В 1973 г. выходит в свет монография Ю.В. Бромлея «Этнос и этнография», в которой автор вводит понятия этносоциального организма (ЭСО) и этникоса (Бромлей, 1973). В работе подчеркивалось, что этническое самосознание для этникоса является определяющим признаком. Однако далеко не каждый этникос способен стать нацией, или, иначе говоря, этносоциальным организмом, т. е. стать образованием, способным дать жизнь собственной государственности, письменной культуре на родном языке и национальному рынку. В то же время этникос, как полагал Бромлей, выступает первичной структурой по отношению к общественным связям более высокого типа, нежели общинно-родовые. Таким образом, он приходит к выводу, что этническое и национальное относятся друг к другу как родовое и видовое, а национальное самосознание есть не что иное, как самосознание этнической общности, достигшей в своем развитии, как минимум, капиталистической стадии. Такое теоретическое допущение в корне изменило статус этнического самосознания.

Этническое самосознание без различения стадийального уровня признавалось объектом этнографического изучения, автономного по отношению к идеологическим доктринам, тогда как национальное самосознание, самосознание этносоциальной общности (ЭСО), обладающей развитой экономикой, государственностью и национальным языком, оказалось в поле зрения философии и социологии. Объектом исследования с точки зрения исторического материализма мог быть только субъект исторического развития, социальная общность, основанная на единстве первичных, материальных, и вторичных, духовных оснований. Национальное самосознание рассматривалось в теории этноса как элемент духовной жизни общества современного типа.

Поскольку в советской науке проблема детерминированности этнического самосознания материальными факторами не могла быть решена однозначно,

в этой последней версии теории этноса ни общность экономической жизни, ни общность территории не имели никакого значения для этника как общности, основанной на единстве культуры и самосознания. Данную позицию Бромлей отстаивал в своей последней монографии «Этносоциальные процессы: теория, история, современность», опубликованной в 1987 г. (Бромлей, 1987).

Необходимо отметить, что у теории этноса даже в этом, идеологически ослабленном варианте, были свои критики. Л. Н. Гумилев был одним из наиболее последовательных оппонентов Ю. В. Бромлея. Гумилев отстаивал популярный характер этногенеза, подчеркивал относительную автономность этнического развития от смены общественно-экономических формаций (Гумилев, 1990). По его мнению, самосознание есть не что иное, как система стереотипизированных представлений и форм поведения, обусловленных адаптацией этнического коллектива к природной среде.

С критикой разделения этнических общностей на племена, народности и нации выступали и другие ученые. М. В. Крюков, отвечая оппонентам, ссылавшимся на деление народов на нации и народности, приводил примеры, демонстрировавшие его относительность (Крюков, 1976: 58). Так, например, он указывал на то, в 1960–1970-х гг. у хакасов, имевших автономную область и поэтому считавшихся народностью, доля занятых в промышленности, на транспорте и в связи (показатель, синтезирующий уровень урбанизации и долю промышленного рабочего класса) была не меньше, чем у белорусов — нации, имевшей государственность в форме союзной республики. Сомнению подвергался также и сам принцип определения сущности этноса через перечисление его свойств, на что указывал, в частности, другой исследователь — П. Л. Белков (Белков, 1993: 49–50).

Сменивший Ю. В. Бромлея на посту директора Института этнографии РАН В. А. Тишков декларировал свое понимание этноса следующим образом: «Этносы... есть умственные конструкции, своего рода “идеальный тип”, используемые для систематизации конкретного материала... Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов... В действительности же... есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» (Тишков, 1992: 7–8).

По мере утраты марксизмом методологической монополии на обсуждение национальнй проблематики в академическом пространстве возрастал вес сформулированной Тишковым концепции этнической процессуальности. Ее основные положения, по формулировке автора, сводятся к следующему:

- этносы представляют собой социальные конструируемые, возникающие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов;
- признаками этнической общности является не территория, язык или общность происхождения, а коллективно разделяемое представление или миф общности территории, языка, общей исторической судьбы членов сообщества;

– этничность есть не что иное, как групповая идентичность, производная от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемая» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры;

– этническая идентичность индивида есть результат выбора в пользу той или иной группы, той или иной лояльности (Тишков, 2003: 115).

Теория этнической процессуальности является сегодня одной из самых влиятельных этнологического-антропологических концепций. Усилия ее сторонников, направленные на деонтологизацию этничности, опираются на оценку теории этноса как примордиалистской, способствующей теоретическому оправданию несовершенной модели российского федерализма, препятствующей формированию гражданской нации россиян. Можно ли теорию этноса Ю. В. Бромлея считать российским вариантом примордиализма? Напомним, что среди перечисленных Ю. В. Бромлеем признаков этноса ни один не является обязательным, кроме этнического самосознания. Положение о решающей роли этнического самосознания в определении этноса шло вразрез с ортодоксальной позицией «общественное бытие определяет общественное сознание». В теории этноса этническое самосознание конституировало реальность этнического, далеко выходя за пределы субъективного отражения объективно существующей общности. Положение о социальной обусловленности этнических процессов, рассмотрение этнических явлений в процессе социальных изменений, внимание к границам и их символическому маркированию — это и многое другое позволяет увидеть, что теория этноса содержит идеи, не чуждые социальному конструктивизму (Ерохина, 2005: 66–67).

Можно согласиться с Б. Е. Винером в том, что бромлеевский подход к этническим общностям довольно близок веберовской интерпретации этнических групп как групп людей, разделяющих субъективное представление об общности происхождения (Винер, 2005: 126). Определенно, советская теория этноса была близка западным концепциям этничности, в том числе предложенному Ф. Бартом определению ее как формы социальной организации культурных различий, распознавания этнических границ, правил включения в группу и исключения из нее (Барт, 2006: 18–19). Такая оценка справедлива, учитывая тот факт, что теория этноса признавала в качестве первичных признаков этноса самоназвание (этноним) и самосознание.

Наибольшие разногласия вызывает вопрос о значении этнокультурных факторов при выборе национальной принадлежности. Перечисление объективных признаков, с помощью которых группа людей отграничивает себя от других (язык, антропологический тип, общность культуры и истории, связь с территорией, ассоциация с государством), ни в полном наборе, ни в сочетании отдельных элементов не объясняет, почему данная группа людей думает о себе в национальных категориях.

В настоящее время в научном и в политическом дискурсе утвердился подход к нации как к феномену, конструируемому почти исключительно усилиями элит. Это создало иллюзию необратимости быстрой трансформации советской идентичности в российскую усилиями российских политических и символических элит. Действительно, в практике международного сотрудничества понятие нация тождественно понятию «гражданство». Ныне существующая в науке трактовка понятия «национальное самосознание» как самосознания этнической общности, осознающей себя политической единицей, сформировалась целиком под воздействием доктрины национализма. Однако в СССР исторически национальность понималась как синоним этнической принадлежности, а гражданство связывалось с лояльностью государственным институтам. Внедрение в общественное сознание политического концепта российской нации вместо конституционного «народ России» или обычного, но понятного всем самоназвания «россияне», не разрешает, а, скорее, напротив, усугубляет неразрешенные до сих пор проблемы российского федерализма.

Национализм, рассматриваемый в теории модернизации как принцип реализации права на политическое самоопределение, в реальной практике вступает в противоречие с принципом территориальной целостности уже существующих государств. Понятие «нация» в отечественной науке и общественном сознании россиян тесно связано с этническими смыслами. Поэтому некоторые исследователи предлагают для обозначения полиэтничного сообщества россиян использовать понятие «российский народ». Как полагает В.А. Авксентьев, идея российского народа и сопутствующая ей идея российской цивилизации могла бы быть гораздо более адекватно воспринята массовым сознанием россиян (причем как русских, так и нерусских). Эта идея, в отличие от идеи российской нации, не имеет конфликтного потенциала и несет консолидирующий мотив (Авксентьев, 2004).

Этническое самосознание и этническая идентичность

Этническое самосознание опирается на представления об общности исторических судеб и общности культуры, возникшие как результат солидарности и соотнесения собственных ценностных ориентаций с групповыми ценностями. Фундаментальной по отношению к существованию этнического субъекта детерминантой мы рассматриваем присутствие Другого. Осознание отличий в результате противопоставления «мы» — «они» есть механизм, который конструирует этнические образы «своего» и «другого». Сконструированные самосознанием этнические образы представляют собой информацию вторичного характера и являются результатом отражения не столько реальных ролей партнеров, сколько представлений о месте «себя» и «другого» в межэтническом взаимодействии.

Собственный этнический образ — компонент структуры этнического самосознания. Это же касается и образа «другого», который есть достояние самосознания данного этноса, что предполагает некоторую степень неадекватности в восприятии другой этнической общности, ибо свойства и возможности «другого» оцениваются через призму ценностных представлений, присущих данной этнической общности (см.: Ерохина, 1999).

Этнический образ есть представление о типичном для этноса индивиде, воплощающее в себе единство общего и единичного. Этнический образ строится на основе чувственно-конкретного понимания типичности. Этим он близок образам искусства. Его сходство с последним состоит еще и в том, что, будучи отражением действительности, он сам косвенно программирует действительность, поощряя или ограничивая поведенческие акты (Чеснов, 1991).

Этнический образ — воплощенное представление об индивидуальном, физически взятом человеке. Телесность образа вовсе не означает, что он отражает среднестатистические данные о физическом или психическом типе человека определенной этничности. Данные этнического образа скорее отражают восприятие этноса, поданное через типическую личность. Этнический образ является представлением об облике человека определенной этнической принадлежности, который может подчеркиваться и через указания на нрав, будучи зафиксированным в формулах-описаниях типа «гордый испанец», «педантичный немец» или «легкомысленный француз», и через внешность образа.

Так, например, образ Джона Булля представляет собой персонификацию английского характера, отражающую как представления англичан о себе (воплощение солидарности как характерной черты), так и реальной истории. Исторический период, связанный с промышленным переворотом и выдвиганием демократических слоев отразился в простонародном имени Джон, развитие животноводства и связанное с ним процветание в XVI веке воплотилось в плотной комплекции Булля: в эпоху Елизаветы обжорство было признано нормой этикета (там же: 60).

Образ сухопарого дяди Сэма строился как противоположность дородному Буллю. Это неудивительно, если учитывать, что время рождения этого образа — время военных действий между США и Англией.

Этнические образы отражают не одну, а две реальности или, точнее, два народа — тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого они слагаются и получают распространение. Двойственный характер этнических представлений не должен вводить в заблуждение преувеличением значения одной из сторон в ущерб другой. В действительности обе стороны этнических представлений тесно связаны. Исследуя наслоения, заключенные в этническом образе, следует выделять в них рациональное начало, подлинную действительность, но одновременно это предполагает и исследование характе-

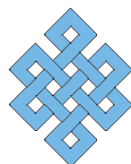
ра наслоений как таковых. Обе стороны необходимо рассматривать в контексте друг друга (Ерофеев, 1982: 22).

Открытие двойственного характера этнических представлений заставило изменить взгляд на те искажения, которыми полны этнические образы, а также на перспективу отделения в них правды от вымысла. Ведь если искажения неизбежно сопровождают этнические представления, неотделимы от них, то, следовательно, они закономерны и, как всякое явление, имеющее реальные причины, подлежит исследованию. Более того, наличие предвзятостей в них уже не выглядит как недостаток. Оно увеличивает ценность исследования: изучая этнические образы, мы получаем доступ к глубинам национальной психики, в том числе того народа, который создает эти образы (там же).

Ключевым моментом актуализации этнических образов является потребность в идентификации. И если этническое самосознание является феноменом коллективного сознания, содержащим надындивидуальные представления, то этническая идентичность есть результат личностной идентификации. Как форма внутриэтнического и межэтнического взаимодействия, этническая идентичность, по мнению Г. У. Солдатовой, имеет свои особенности:

- 1) Она — «родом из прошлого», даже если в значительной мере формируется элитами и мало считается с «естественными» факторами;
- 2) Она мифологична и квазирациональна, что позволяет ей мобилизовать новых сторонников;
- 3) Она — зависимая переменная. Это означает, что преданность этническим идеалам способна возражать или убывать в зависимости от внешних обстоятельств;
- 4) Она обладает «двойным дном», так как этническая культура, лежащая в ее основе, разделяется на культуру для «внешнего» и «внутреннего» пользования;
- 5) Она связывает и солидаризирует на основе группового членства;
- 6) Она есть функция отношений с другими этническими группами, которые складываются по принципу оппозиции;
- 7) Она — категория «эмоционально-нормативная». Достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида. Эмоциональные императивы влияют на образы восприятия и в значительной степени объясняют иррациональность поведения сторон в этнических конфликтах (Солдатова, 2003: 191–192).

Этническая идентичность является частью самоидентификации — самооценки собственных личностных свойств и потенций в качестве деятельного субъекта, в том виде, как они представляются индивиду в его собственном са-

мосознании и в восприятии других. Согласно теории социальных диспозиций В.А. Ядова, функция социальной идентификации — включение в систему социальных взаимосвязей, которые обеспечат защиту жизненных интересов индивида, основных потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении перед лицом реальной или мнимой опасности ущемления базисных потребностей другими группами, индивидами, общностями. Система идентификации личности формируется в определенном социальном интерьере, выстраиваясь по доступным для индивида жизненным траекториям (Ядов, 1995).

Однако если привычный социальный интерьер рушится под влиянием ситуативных обстоятельств или в результате социокультурного кризиса, то идентификационная матрица личности подвергается деформации. Некоторые структуры могут быть безвозвратно утрачены, тогда как другие оказываются гипертрофированными.

Как пишет Г. Б. Солдатова, в соответствии с особенностями постсоветского пространства проблема социальной идентичности получила отчетливую «этническую» окраску. В условиях роста межэтнической напряженности на этничность и этническую идентичность как вид социальной идентичности выпала основная нагрузка по ориентации индивида в обществе. Этничность была превращена в форму взаимодействия между культурными группами, действующими внутри социального контекста. Выполняя функцию внутриэтнической интеграции, она, в отсутствии надэтнических форм солидарности, предопределила развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом.

Рост межэтнической напряженности актуализирует архетипы, связанные с героическим, драматическим и жертвенным прошлым своего народа. Это образы группы, либо сплотившейся и борющейся, либо страдающей и униженной. Под тяжестью новых обид трагические события прошлого могут еще более драматизироваться. Они начинают выступать своего рода призмой, через которую оцениваются современные межэтнические отношения и типологические характеристики народов. Архетипические образы становятся осознанной и активной частью содержания этнической идентичности и в этом качестве превращаются в реальную психологическую силу. Они как бы аккумулируют психическую энергию исторического прошлого народа, усиливают ощущение причастности к его истории, наделяют чувством единства и солидарности через время и пространство. В этом их особая привлекательность (Солдатова, 2003: 659, 665–666).

Трансформация структуры идентичности, по мнению Солдатовой, выражается в том, что членство в этнической группе становится важной категорией идентификации. Фрустрация и отказ от активной жизненной позиции — еще одна характерная особенность состояния психической инфляции. В результате происходит изменение иерархии уровней в структуре социальной идентичности, а именно — повышение значимости групповых социальных идентичностей по сравнению с личностной идентификацией (там же: 667).

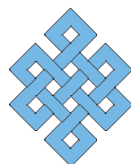
Ощущение личной неуверенности обычно усиливается аномией и неопределенностью в обществе. Множество слабых «я» начинают искать опору в сильном «Мы». В кризисные периоды личность в поисках опоры стремится точнее определить границы своего существования, отождествляя себя с некоторой группой. И если общество оказывается бессильным в попытках преодолеть собственную дезинтеграцию, то этническая идентичность как наиболее устойчивая форма идентификации в больших группах становится самой востребованной.

Этническое самосознание и этническая ментальность

Этническое самосознание — сложное системное образование, включающее когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. Однако оно является лишь вершиной айсберга, скрытого от эмпирического наблюдения и доступного для описания лишь через анализ культурных артефактов, текстов, повседневных практик. Именно ментальность является этим айсбергом, включающим в себя отношение народа к пространству, времени, абсолюту и иным значимым культурным универсалиям, которые А. Я. Гуревич называл категориями культуры (Гуревич, 1984).

Этнический менталитет определяется образом жизни народа. Народы, ведущие природопреобразующий образ жизни, ориентированы на трансформацию естественных сред обитания в антропогенные, что побуждает их активно воздействовать на природную среду и превращать ее ресурсы в инструмент, орудия и средства хозяйственной деятельности человека. В данном случае речь идет о представителях производящего вида хозяйств — скотоводах и земледельцах, а также народах, оказывающих на природу воздействия техногенного характера. Специфика развития народов, ведущих природопользующий образ жизни, обусловлена их ориентацией на поддержание баланса с экологической нишей. Речь идет о народах, в хозяйстве которых преобладают элементы присваивающего хозяйства: охотниках, рыболовах, собирателях. Их коллективные потребности могут удовлетворяться лишь при условии сохранения традиционного для них природного ландшафта. Его сохранность является залогом успешной культурно-хозяйственной деятельности и стабильности воспроизводства этнического коллектива (Ерохина, 1999).

Чем более близки контактирующие народы по характеру своих потребностей, тем более симметричный характер носит сам процесс взаимодействия. Взаимодействие обладает симметричностью и в том случае, когда культурный обмен осуществляется между равнозначными составляющими сторон взаимодействия. Например, традиционная культура русских — традиционная культура народов Сибири. Объясним этот пример.

К моменту появления русских в Сибири большинство коренных народов региона в той или иной мере переживали разложение первобытно-патриархальных связей. У одних народов (например, у южно-сибирских тюрков) прогресс в общественных отношениях был более значителен, нежели у других (например, у обских угров). Подобная разница объясняется, видимо, тем, что хозяйство кочевников имело в значительной мере производящий (скотоводческий) характер, а в хозяйстве народов таежной зоны в большей мере преобладали присваивающие (охота, рыболовство, собирательство) элементы. Хозяйственная деятельность аборигенных этносов Сибири в основном не вела к преобразованию природного ландшафта в антропогенный. Охотники и рыболовы входили в биоценозы как верхнее завершающее звено, приспособляясь к природному равновесию, и были заинтересованы в его сохранении. Скотоводческая деятельность кочевников вела к преобразованию ландшафта, ничтожному в количественном отношении в сравнении с воздействием на природу земледельческих народов.

Основу мировоззренческого ядра коренных народов Сибири составляло признание своего «младшинства» по отношению к окружающему природному миру. Согласно их представлениям, все существа природного мира выступали по отношению к коллективу людей в качестве старших родственников. Это родство означало, что человек не отделял себя от природы подобно тому, как род не отделял себя от занимаемой территории. Примечателен тот факт, что при отправлении культа гораздо чаще обращались к низшим богам, божествам местности, нежели к верховным богам (Сагалаев, Октябрьская, 1990: 187).

В противоположность этим народам русский этнос формировался в процессе земледельческих миграций и преобразования природного ландшафта. Заселение русскими свободных земель еще на территории Европейской России носило характер естественного расселения. Русские люди, по преимуществу земледельцы, искали нетронутые земли. Пространства, осваиваемые переселенцами, превращались в земледельческие области. Завоевание и правительственная колонизация шли, как правило, позади естественного расселения. Появление в Сибири русских — результат экстенсивного характера их хозяйственной деятельности, для которой здесь существовали самые благоприятные условия. Ориентация на земледельческое преобразование экосферы проявилась в стереотипе Хозяина, получившем библейскую санкцию: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют он над рыбами морскими, и птицами небесными, и над скотом, и над всею землею» (Библия. Гл. 1, стр. 26).

Культурно-хозяйственная разнонаправленность контактирующих народов позволяет сделать вывод об экстравертивности менталитета русских и интравертивности менталитета коренных сибирских народов.

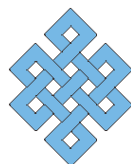

Другим примером обусловленности менталитета коллективным опытом этноса является его историческая память. Однако на сей раз речь идет о феномене, имеющем внутреннюю, а не внешнюю детерминацию. «Что нам нельзя забывать?» — вот вопрос, который стоит в центре внимания группы, когда она определяет идентичность и самопонимание. Допущенные в коллективную память понятия и образы прошлого П. Нора называл «местами памяти». Речь идет как о материальных артефактах, таких, как музеи, архивы, коллекции, монументы, храмы, так и о праздниках, годовщинах, ассоциациях, возникающих в связи с упоминанием таких слов, как «Холокост» или «Марсельеза» (Нора, 1999).

Прошлое не сохраняется как таковое. Оно сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляются воспоминания. Прошлое является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом каждого данного настоящего. Так, например, в Советском Союзе декларировалось добровольное присоединение, которое находили и в тех регионах, где оно таковым не было или было вынужденным. На рубеже 1980–1990-х гг. напротив, манифестировалось колониальное прошлое народов России, насильственный характер присоединения, ущерб от патронажа. При этом игнорировались те выгоды и привилегии, которые обрело население вошедших (в том числе и добровольно) в состав России регионов (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998: 194).

В памяти народа, как правило, сохраняются события, которые выступают как бы сплывающим фактором, но, вместе с тем, нередко они же «разделяют» его с другими народами. Например, осетины и в федеральном Центре, и на Кавказе всегда считались «опорой» России в регионе. Чеченцы же были среди тех, кого «покоряли» или «завоевывали», кого считали «непокорными» власти. Интерпретированные таким образом события российской истории и этнической истории этих народов стали символическими, вокруг них мобилизовались идеологемы либо ущерба, либо героического прошлого. И очень часто разные народы оценивают одни и те же события по-разному (там же: 194).

Коллективная память, по мнению Дж. Тоша, отличается от исторического знания: если для исторического знания искажение является трудностью, которая нуждается в устранении, то для коллективной памяти искажение — необходимость. Актуальные в настоящем приоритеты социальной группы побуждают высвечивать в прошлом одни факты и игнорировать другие. Такова прагматика коллективного действия: чтобы группа обрела коллективную идентичность, ей необходимо общее понимание событий и опыта, постепенно формировавших ее. Это невозможно без упрощения и огрубления фактов исторического прошлого. Без такой редукции невозможно сконструировать этническую историю, доступную для понимания каждого. При этом необходима такая картина исторического прошлого, которая служила бы объяснению и оправданию настоящего даже в ущерб исторической достоверности (Тош, 2000: 11–13).

Историческая память, в отличие от исторического знания, поддерживается эмоционально-ассоциативными связями, на которых основано чувство этнической солидарности. Эти связи базируются на позитивных для групповой идентичности любого народа архетипах «мы», включающих представление о собственном героизме, доброте, внутригрупповой сплоченности, патриотизме.

И, конечно, следует упомянуть этический контекст коллективных представлений. Даже если декларируемые и внешне наблюдаемые поведенческие нормы расходятся, или имеет место поливариативность нормативной интерпретации, в сознании носителей этнической ментальности такие расхождения не всегда являются критическими. Что действительно имеет значение, так это ценностная интерпретация, наделение позитивной или негативной значимостью артефактов, текстов, символов, поведенческих моделей, исторических событий и персон. И, конечно, ценностное отношение к собственной этничности способно усиливать и ослаблять чувство солидарности, сплачивать и разобщать членов этнической общности, сближать ее и обособлять от других подобных групп.

Заключение

Феноменологизация этничности, гиперболизация ее мобилизационных возможностей, сведение ее многообразия к исключительно политическим формам привели к тому, что данное понятие поглотило собой и понятие этнической ментальности, и понятие этнического самосознания. Между тем, ни одна наука не может развиваться без совершенствования собственного инструментария. Это относится и к социальной антропологии, к самой сути ее комплексного подхода, исследующего культурные универсалии в единстве институтов, практик и духовных феноменов. Понятие этнической ментальности как совокупности разделяемых членами данной общности коллективных представлений оказывается здесь незаменимым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авксентьев, В. А. (2004) Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтогенности // Вестник Северо-Кавказского государственного технологического университета. Серия: Философия. № 1. С. 5–11.

Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов А. А. (1998) Этносоциология : учебное пособие для вузов. М. : Аспект-Пресс. 271 с.

Барт, Ф. (2006) Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / отв. ред. Ф. Барт. М. : Новое издательство. 198 с. С. 9–48.

Белков, П. Л. (1993) О методе построения теории этноса // Этноты и этнические процессы. М. : Наука. 344 с. С. 48–61.

Бромлей, Ю. В. (1971) К характеристике понятия «этнос» // Расы и народы. М. : Наука. Вып. 1. С. 9–33.

Бромлей, Ю. В. (1973) Этнос и этнография. М. : Наука. 283 с.

Бромлей, Ю. В. (1987) Этносоциальные процессы: Теория, история, современность. М. : Наука. 334 с.

Винер, Б. Е. (2005) Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 8. № 3. С. 114–130.

Гумилев, Л. Н. (1990) Этногенез и биосфера Земли. Л. : Гидрометеиздат. 526 с.

Гуревич, А. Я. (1984) Категории средневековой культуры. М. : Искусство. 285 с.

Ерофеев, Н. А. (1982) Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853. М. : Наука. 320 с.

Ерохина, Е. А. (1999) Этническое самосознание в межэтнических взаимодействиях : автореф. дис. ... канд. филос. н. Новосибирск. 26 с.

Ерохина, Е. А. (2005) Категория этничности в этносоциологических и социально-антропологических исследованиях в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 3. № 2. С. 60–69.

Ерохина, Е. А. (2009) Этносоциология : учебное пособие. Новосибирск : СибГУТИ. 185 с.

Ерохина, Е. А. (2012) Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск : НГУ. 418 с.

Крюков, М. В. (1976) Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Вып. 6. С. 42–63.

Кушнер, П. И. (1949) Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. VIII. С. 3–9.

Нора, П. (1999) Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция — память / отв. ред. П. Нора. СПб. : Изд-во СПбГУ. 333 с. С. 17–50.

Сагалаев, А. М., Октябрьская, И. В. (1990) Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука. 209 с.

Солдатова, Г. У. (2003) Этническое самосознание и этническая идентичность // Этническая психология: история и методы : хрестоматия / отв. ред. А. И. Егорова. СПб. : Речь. 313 с. С. 189–196.

Тишков, В. А. (1992) Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. № 1. С. 5–19.

Тишков, В. А. (2003) Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука. 544 с.

Токарев С. А. (1964) Проблема типов этнических общностей // Вопросы философии. № 11. С. 49–52.

Тош, Дж. (2000) Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / пер. с англ. М. : Весь мир. 296 с.

Чеснов, Я. В. (1991) Этнический образ // Этнознаковые функции культуры / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М. : Наука. 224 с. С. 58–62.

Широкогоров, С. М. (2010) Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М. : МГУ. 124 с.

Ядов, В. А. (1995) Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. № 3–4. С. 158–181.

Дата поступления: 16.07.2017 г.

REFERENCES

Avksent'ev, V. A. (2004) Etnopoliticheskaia identichnost' v postso-vetskoii Rossii kak faktor konfliktogennosti [The Ethnopolitical Identity in post-Soviet Russia as a Factor of Conflict Genesis]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Serii: Filosophia*, no. 1, pp. 5–11. (In Russ.).

Arutiunian, Iu. V, Drobizheva, L. M. and Susokolov A. A. (1998) *Etno-sotsiologiya: uchebnoe posobie dlia vuzov [Ethnosociology: A Textbook for Universities]*. Moscow, Aspekt-Press. 271 p. (In Russ.).

Barth, F. (2006) Vvedenie [Introduction]. In: *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo. Pp. 9–48. (In Russ.).

Belkov, P. L. (1993) O metode postroeniia teorii etnosa [On the Method of Constructing the Theory of Ethnos]. In: *Etnosy i etnicheskie protsessy [Ethnicities and ethnic processes]*. Moscow, Nauka. Pp. 48–61. (In Russ.).

Bromlei, Iu. V. (1971) K kharakteristike poniatiiia «etnos» [To the Characteristic of the Concept of «Ethnos»]. In: *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, Nauka. Vol. 1. Pp. 9–33. (In Russ.).

Bromlei, Iu. V. (1973) *Etnos i etnografiia [Ethnos and Ethnography]*. Moscow, Nauka. 283 p. (In Russ.).

Bromlei, Iu. V. (1987) *Etnosotsial'nye protsessy: Teoriia, istoriia, sovremennost' [Ethno-social Processes: Theory, History, Modernity]*. Moscow, Nauka. 334 p. (In Russ.).

Viner, B. E. (2005) Postmodernistskii konstruktivizm v rossiiskoi etnologii [Postmodernist' Constructivism in Russian Ethnology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 8, no. 3, pp. 114–130. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (1990) *Etnogenez i biosfera Zemli [The Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]*. Leningrad, Gidrometeoizdat. 526 p. (In Russ.).

Gurevich, A. Ia. (1984) *Kategorii srednevekovoi kul'tury [The Categories of Medieval Culture]*. Moscow, Iskusstvo. 285 p. (In Russ.).

Erofeev, N. A. (1982) *Tumannyi Al'bion. Angliia i anglichane glazami russkikh: 1825–1853 [Foggy Albion. England and Englishmen through the Eyes of Russians: 1825–1853]*. Moscow, Nauka. 320 p. (In Russ.).

Erokhina, E. A. (1999) *Etnicheskoe samosoznanie v mezhetnicheskikh vzaimodeistviakh [The Ethnic Consciousness in Interethnic Interactions]*. Thesis of Diss. ... Candidate of Philosophy. Novosibirsk. 26 p. (In Russ.).

Erokhina, E. A. (2005) *Kategoriia etnichnosti v etnosotsiologicheskikh i sotsial'no-antropologicheskikh issledovaniakh v Rossii [The Category of Ethnicity in the Ethnosociological and Socio-anthropological Research in Russia]*. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no. 2, pp. 60–69. (In Russ.).

Erokhina, E. A. (2009) *Etnosotsiologiya : uchebnoe posobie [Ethnosociology: A Textbook for Universities]*. Novosibirsk, SibGUTI. 185 p. (In Russ.).

Erokhina, E. A. (2012) *Sibirskii vektor vnutrennei geopolitiki Rossii [The Siberian Vector of the Internal Geopolitics of Russia]*. Novosibirsk, NGU. 418 p. (In Russ.).

Kriukov, M. V. (1976) *Evoliutsiia etnicheskogo samosoznaniia i problema etnogeneza [The Evolution of Ethnic Consciousness and the Problem of Ethnogenesis]*. In: *Rasy i narody [Races and Peoples]*. Moscow, Nauka. Vol. 6. Pp. 42–63. (In Russ.).

Kushner, P. I. (1949) *Natsional'noe samosoznanie kak etnicheskii opredelitel' [The National Consciousness as an Ethnic Determinant]*. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR*, vol. VIII, pp. 3–9. (In Russ.).

Nora, P. (1999) *Mezhdu pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiati [Between Memory and History. The Problem of the Memory Places]*. In: *Frantsiia — pamiat'*, ed. by P. Nora. St. Petersburg, SPbGU Publ. Pp. 17–50. (In Russ.).

Sagalaev, A. M. and Oktiabr'skaia, I. V. (1990) *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Znak i ritual. [Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. The Sign and the Ritual]*. Novosibirsk, Nauka. 209 p. (In Russ.).

Soldatova, G. U. (2003) *Etnicheskoe samosoznanie i etnicheskaia identichnost' [The Ethnic Consciousness and the Ethnic Identity]*. In: *Etnicheskaia psikhologiya: istoriia i metody : khrestomatiia*. St. Petersburg, Rech'. Pp. 189–196. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (1992) Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa [The Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [The Requiem for the Ethnos: Studies on Socio-cultural Anthropology]. Moscow, Nauka. 544 p. (In Russ.).

Tokarev S. A. (1964) Problema tipov etnicheskikh obshchnosti [The Problem of the Types of the Ethnic Communities]. *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 49–52. (In Russ.).

Tosh, Dzh. (2000) *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [Striving for the Truth. How to Master the Skill of a Historian]. Transl. from English. Moscow, Ves' mir. 296 p. (In Russ.).

Chesnov, Ia. V. (1991) Etnicheskii obraz [The Ethnic Image]. In: *Etnoznakovye funktsii kul'tury*. Moscow, Nauka. Pp. 58–62. (In Russ.).

Shirokogorov, S. M. (2010) *Etnos: Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh i etnograficheskikh iavlenii* [The Ethnos: A Study of the Basic Principles of the Changing of the Ethnic and Ethnographic Phenomena]. Moscow, MGU. 124 p. (In Russ.).

Iadov, V. A. (1995) Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie me-khanizmy formirovaniia sotsial'noi identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the person]. *Mir Rossii*, no. 3–4, pp. 158–181. (In Russ.).

Submission date: 16.07.2017.

Для цитирования:

Ерохина Е. А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/726> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.3.4

For citation:

Erokhina E. A. Ethnic consciousness: theoretical construct and mental phenomenon. *The New Research of Tuva*, 2017, no. 3 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/726> (accessed: ...). DOI: 10.25178/nit.2017.3.4